

ДВЕ ЦАРИЦЫ

(К вопросу о типологии построения женских образов
в исторических песнях XVI века)

Женские образы в русских народных исторических песнях нечасто привлекают специальное внимание исследователей хотя бы потому, что они не являются главными в «мужском» мире историко-песенного фольклора. Предметом данной статьи стали персонажи исторических песен XVI века — две жены Ивана Грозного (1530–1584, правил с 1533): Анастасия Романовна и Мария Темрюковна. Как строятся эти образы в русских народных песнях? Насколько персонажи, созданные в устной традиции, отвечают исторической реальности? Какие фольклорные механизмы включены при их конструировании? Когда могли сложиться песни, в которых названные царицы играют важную роль? Вот круг вопросов, на которые мы попытаемся ответить.

Анастасия Романовна. Первая жена Ивана IV Грозного, Анастасия Романовна из рода Захарьиных-Юрьевых, по разным сведениям, родилась в 1530 или 1532 году; 3 февраля 1547-го она была обвенчана с юным царем, о чем сообщают летописи: «...и выбрал себѣ невѣсту дщерь околичего своего Романа Юрьевича Анастасию».¹ Вскоре после венчания она совершила вместе с мужем паломничество в Троице-Сергиеву лавру.² В дальнейшем в летописях имя Анастасии Романовны упоминается, как правило, или в связи с рождением детей, или в свидетельствах о поездках по монастырям. Анастасия Романовна скончалась через 13 лет после свадьбы — 28 июля 1560 года. В этом браке родилось шестеро детей: старшие дочери Анна (10 августа 1549 — 20 июля 1550) и Мария (17 марта — 8 декабря 1552) умерли младенцами; равным образом недолго прожила Евдокия — пятый ребенок в семье (26 февраля 1556 — июнь 1558); при случайных обстоятельствах погиб младенец — сын Дмитрий (11 октября 1552 — 4 июня 1553). До взрослых лет дожил Иван (28 марта 1554 — 19 ноября 1581), судьба которого всем хорошо известна: он скончался в Александровой слободе после раны, нанесенной ему в ссоре отцом. Самый младший сын Анастасии Федор Иоаннович (11 мая 1557 — 7 января 1598) в 1584 стал царем — последним из Рюриковичей. Таким образом, Анастасия Романовна на момент кончины была матерью двух законных наследников престола, что очень важно для средневекового общественного сознания.

Напомним, что во всех письменных источниках Анастасия Романовна предстает как добродетельная супруга, благотворно влиявшая на своего гневливого мужа. Английский дворянин Джером Горсей (ок. 1550–1626), проживавший в Москве в 1573–1591 годах (с перерывами) и управлявший английской

¹ Полн. собр. русских летописей. М., 2009. Т. 29. С. 151 (Александро-Невская летопись). Ср. в Никоновской летописи: Там же. М., 2000. Т. 13. С. 151–152.

² Там же. Т. 29. С. 151.

Московской компанией, т. е. появившийся в Москве через тринадцать лет после кончины Анастасии Романовны, в своих записках о Русском государстве дал ей такую характеристику: «Эта царица была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и внимательной <...> Он (Иван Грозный. — Т. И.) был молот и вспылчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом».³ Патриаршья, или Никоновская, летопись описывает всенародный плач во время погребения царицы: «И не токмо множеству народу, но и всѣ нищии и убозии со всего града придоша на погребеніе, не для милостыни, но с плачемъ и рыданіемъ веліемъ провожаше...».⁴

Анастасия Романовна является героиней двух сюжетов исторических песен, представленных в академическом издании «Исторические песни XIII–XVI веков», подготовленном Б. Н. Путиловым и Б. М. Добровольским:⁵ «Смерть царицы» (№ 263–266 — 4 варианта) и «Гнев Ивана Грозного на сына» (№ 200–260 — 61 текст).

Определенной проблемой является имя песенной героини. В сюжете «Смерть царицы» героиня или безымянна (№ 263, 264), или же названа Софья дочь Романовна (№ 265, 266). Имя «Софья» дало С. Н. Азбелеву основное высказание остроумную гипотезу, согласно которой сюжет «Смерть царицы» был создан во времена Ивана III Васильевича (1440–1505; великий князь Московский с 1462), деда Ивана IV Грозного. Иван III вторым браком был женат на византийской принцессе Софье Палеолог (ок. 1455–1503). Фольклорист считает, что ряд исторических песен, возникших в конце XV — начале XVI века по поводу Ивана III Грозного, был переработан в эпоху Ивана IV Грозного и прикреплен к имени этого правителя. Соответственно песня «Смерть царицы», первоначально относившаяся к Софье Палеолог, скончавшейся ранее своего мужа, 7 апреля 1503 года, через шесть десятков лет, в 1560 году, когда умерла Анастасия Романовна, была трансформирована уже к биографии Ивана IV Грозного.⁶

В сюжете «Гнев Ивана Грозного на сына» героиня также может быть безымянной (№ 217, 223, 225, 232, 233, 239, 246, 253), но чаще получает разные имена с одним и тем же отчеством, являющимся отголоском имени Анастасии Романовны: Марья Романовна (№ 200, 216), Анна Романовна (№ 207, 224), Авдотья Романовна (№ 208), Марфа Романовна (№ 211, 212, 245), Софья Романовна (№ 219), Афросинья Романовна (№ 235), Фекла Романовна (№ 242), Офимья Романовна (№ 256). В одном из текстов героиня названа Омельфой Тимофеевной (№ 204), т. е. к этому образу прикрепляется типовое имя былинной «матерой вдовы» — вдовы-матери. В некоторых вариантах сюжета «Гнев Ивана Грозного на сына» царица названа своим подлинным историческим именем — Настасья Романовна (№ 205, 206, 215, 229, 252, 255).

Стержнем образа Анастасии Романовны становится ее материнство. В сюжете «Смерть царицы» героиня рисуется прежде всего как мать, заботящаяся о судьбе своих детей. У постели умирающей героини стоит ее дочь Настасья (явный отголосок имени самой супруги Ивана Грозного — в № 263) и два младых царевича (№ 263, 264, 265). Напомним, что к 1560 году были живы только сыновья — шестилетний Иван и трехлетний Федор. Таким образом, эта

³ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 51.

⁴ Полн. собр. русских летописей. М., 1965. Т. 13. С. 328.

⁵ Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно с указанием порядкового номера текста и стиха.

⁶ Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 29. С. 60–79.

деталь песни почти полностью отвечает исторической правде. Умиравшая царица молит мужа:

Будь ты доброй, будь ты смирной, будь ты милостивой
 До своих-то до младых двух цяревицей;
 Ты ишше же будь доброй, кроткой, милосливой
 До своей-то до младой до царевны-то,
 Что до той же до Настасьи до Ивановны.

(№ 263, ст. 73–77)

В сюжете «Смерть царицы» имена царевичей забыты, герои остаются безымянными. Однако по вариантам песни «Гнев Ивана Грозного на сына» фольклорная традиция знает имена сыновей Ивана Грозного. Песня устойчиво называет их Иваном и Федором. Напомним содержание песни: на пиру Иван Грозный хвастает, что повывел изменушку на Руси; один из его приближенных (Малюта Скуратов, иногда старший сын Иван) говорит, что измена сидит рядом с ним — это его сын Федор (иногда — Иван), который защищал новгородцев, когда царь обрушил свой гнев на город; царь приказывает казнить царевича; дядюшка царевича Никита Романович его спасает, подменив слугой; на следующее утро Иван Грозный раскаивается, Никита Романович объявляет о спасении царского сына.

Затем Никита Романович приходит в Божью церковь и приветствует Ивана Грозного, отошедшего от гнева и оплакивающего своего сына:

Здравствуй, батюшка Грозный царь Иван Васильевич,
 Со своей любимой семеюшкой — моей сестрицей любимой,
 Царицей московскою Настасьей Романовной,
 Со своим любимым со детушками,
 С Иванушкой Ивановичем и Федором Ивановичем!

(№ 215, ст. 167–171; ср.: № 216, ст. 165–170; № 217, ст. 130–133)

Второй определяющей характеристикой Анастасии Романовны является ее истовая приверженность православию. По разным вариантам песни «Смерть царицы» она «царица православная» (№ 263, ст. 10, 33) или «царица благоверная» (№ 263, ст. 55, 61, 63; № 264, ст. 7, 42, 85; № 265, ст. 14; № 266, ст. 1, 28). Те же эпитеты («верная», «православная», «благоверная») встречаются и в сюжете «Гнев Ивана Грозного на сына» (№ 226, ст. 115, 116; № 227, ст. 78, 79, и др.). В исторических песнях умирающая царица, что очень важно, молит не только за своих детей, но и за веру православную. Она наказывает Ивану Грозному:

Ты постой-ко-се за веру православную,
 Ты постой-ко за монастыри ти спасения,
 А за ти же за черквы ти за Божия.

(№ 264, ст. 49–51)

Самая смерть Анастасии Романовны рисуется как угроза православной вере: «А преставилась цяриця благоверная, / Порушилась наша вера православная» (№ 264, ст. 85–86).

Наиболее интересное в образе Анастасии Романовны — ее наказ мужу по поводу милости к разным слоям русского общества. Царица оказывается заступницей за весь русский народ. Она молит Ивана Грозного, чтобы он был

милостив «до вдов-то бедных, малых детоцёк их» (№ 263, ст. 81). В варианте № 264 называются антагонистические социальные слои — князья и бояре, с одной стороны, и крестьяне чернопахотные, с другой:

До своих-то князей будь ты кроток, будь ты милостив,
А до тих жа ты князей, всё бóяр жа;
Я ише тебе буду наказ наказывать:
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
А до тих жа хресьян да чёрнопахотных.

(№ 264, ст. 60–64; ср.: № 265, ст. 35)

В тексте № 265 имеется обобщающая формула:

И не будь ты яр, будь ты милостив
До всего народу православного.

(№ 265, ст. 45–46)

Таким образом, определяющей чертой Анастасии Романовны становится милостивость. Эта черта сближает царицу с самым главным христианским женским образом — с Богородицей. Напомним, что Матерь Божья в русских духовных стихах рисуется милостивой заступницей перед гневным отцовским началом Бога-судии, о чем пишет Г. П. Федотов: «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь. Вознесенная в мир божественный, до неразличимости с небесным Богом, Она, с другой стороны, остается, в отличие от Христа, связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей».⁷ В образе Богородицы, подчеркивает Федотов, православный русский «народ чтит небесную красоту материнства»;⁸ матерью и милостивой заступницей в исторических песнях предстает и Анастасия Романовна. Словом, параллели между образом Богородицы, сложившимся в русском народном сознании задолго до XVI века, и фольклорной Анастасией Романовной очевидны.

В продолжение решения обозначенного нами круга вопросов напомним, что разгром Новгорода Иваном Грозным и его опричниками, о котором говорится в песне «Гнев Ивана Грозного на сына», произошел в начале 1570 года, т. е. через 10 лет после кончины Анастасии Романовны. Включение имени Анастасии Романовны в данный сюжет, таким образом, является анахронизмом. В варианте № 206 Настасья Романовна сама присутствует на пиру, на котором Иван Грозный приказывает казнить своего сына, и сразу же бежит за помощью к своему брату:

За тым столом за дубовым
Сидела родима его матушка
Хороша Настасья Романовна;
Скочила она на резвы ноги,
Шубоньку надела на одно плечо,
Бежала ко братцу ко родимому,
Хорошу Микиты Романовичу.

(№ 206, ст. 63–69)

⁷ Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 49.

⁸ Там же.

Очевидно, что в этом эпизоде образ Анастасии Романовны конструируется на основании художественного опыта былин — жанра более старшего, чем исторические песни. Именно там сложилось типическое место «спешащая героиня». Былинную формулу спешащей взволнованной женщины мы встречаем во многих вариантах сюжета «Гнев Ивана Грозного на сына» (№ 200, ст. 108–114; № 201, ст. 118–125; № 214, ст. 38–41; № 226, ст. 115–120; № 207, ст. 51–59; № 224, ст. 35–36; № 208, ст. 84–91; № 209, ст. 68–73; № 215, ст. 59–67; № 252, ст. 14–20; № 255, ст. 99–105; № 211, ст. 91–95; № 212, ст. 69–76; № 216, ст. 88–94; № 256, ст. 59–64).

Историческая песня использует и другое традиционное типическое место былин — «вход героя-христианина в терем». В варианте № 226 формула «спешащей женщины» и формула «входа героя-христианина в терем» соседствуют:

Да прознала тут цяриця верная,
 Да как верная цяриця православная;
 Сапог-от надевала на босú ногу,
 Кунью шубу надевала на одно плечо,
 Бежала она к братёлку родимому,
 Да как старому Микиты Романовцю.
*Да не спрашивала у ворот приворотников,
 Да не спрашивала у дверей придверников.
 Она крес-от кладет да по-писаному,
 Да поклон тот ведет по-уцонуму,
 Да цолом она бьет на вси стороны.*

(№ 226, ст. 115–125; ср.: № 127, ст. 78–89;
 № 239, ст. 32–33; № 255, ст. 99–105)

Как уже следует из изложенного, в песне «Гнев Ивана Грозного на сына» подробно очерчиваются родственные отношения героев — Анастасия Романовна (царица, сестра), Никита Романович (брат царицы), Федор Иванович (царевич, сын царицы, племянник Никиты Романовича). Все они связаны кровными узами, что особо акцентируется в некоторых вариантах, где настойчиво повторяются термины родства (№ 203, ст. 54–69). В отдельных текстах родственные отношения главных действующих лиц могут указываться ошибочно. Так, в варианте № 204 царица Омельфа Тимофеевна идет к «двуродимому» (двоюродному) брату Никите Романовичу (ст. 88–107); в тексте № 233 безымянная царица спешит за помощью к своему сыну Микитушке (ст. 58–62), который и спасает брата; в варианте № 240 безымянная царица бежит к своему зятю, причем он назван Микитой Романовым (Микитушкой Романовым) (ст. 245–248; ср.: № 241, ст. 33–36). В варианте № 255 Никита Романович назван «старым казаком», его родство с царицей не обозначено.

Итак, фольклорная Анастасия Романовна — это царица-мать, царица-заступница православной веры, царица-молельница за весь русский народ. Когда же мог сформироваться в устно-поэтической традиции именно такой образ первой жены Ивана IV Грозного?

Начальная дата — это, конечно, 1560 год, т. е. год кончины Анастасии Романовны. Смерть любимой народом русской царицы стала толчком для создания (или перелицовки уже сложившейся в связи с кончиной Софьи Палеолог) песни «Смерть царицы». Здесь связи «событие» — «песня» очевидны. Не сомневаемся, что сложению песни и формированию идеального образа Анастасии Романовны способствовал второй брак Ивана Грозного (1561) — на чужеземке. Фольклорное сознание, в котором большую роль играет оппозиция «свой»/«чужой», реагируя на появление в Москве царицы-иноземки,

начинает активно конструировать образ идеальной русской царицы Анастасии Романовны.

Время же сложения второго сюжета — «Гнев Ивана Грозного на сына» — представляет для фольклористики проблему. Устойчивой является гипотеза, согласно которой песня возникла по поводу известных трагических событий 1581 года, когда Иван IV Грозный в Александровой слободе в гневе убил своего сына. Именно с этим событием связывают образование песни такие авторитетные исследователи, как В. Ф. Миллер, С. К. Шамбинаго, Ю. М. Соколов и В. К. Соколова.⁹ Песенная ситуация казни (несостоявшейся) прочитывается этими фольклористами как отражение совершившегося убийства.

В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов, напротив, считали, что песня сложилась задолго до трагедии 1581 года. Пропп называет десятилетие между 1570 годом (разгром Новгорода) и 1581 годом (основная ее версия знает обоих царевичей — Ивана и Федора), причем относит ее ближе к 1570 году. Исследователь сосредоточивается на мотиве «измены», звучащем в песне (Новгород, склонявшийся к присоединению к Великому княжеству Литовскому, которое трансформировалось в Речь Посполитую). Не имея возможности указать на конкретное историческое событие, давшее повод к созданию песни, и явно игнорируя возраст царевича Федора (в 1570 году ему было 13 лет и он не участвовал в новгородском походе), ученый предполагает, что Федор мог способствовать спасению новгородцев.¹⁰

Путилов датирует песню 1560–1570 годами. По его мнению, все реалии песни относятся именно к этому периоду, когда внутривосточная борьба в Московском государстве сопровождалась массовыми казнями.¹¹

Р. Г. Скрынников — историк, специалист по эпохе Ивана Грозного — считает, что народная песня воспроизвела реальную конфликтную ситуацию в царской семье, отражающую политическое противостояние между опричной (царем) и земщиной (боярской думой). В 1570 году Ивану, наследнику царского престола, шел уже 17-й год, и многие бояре начинали возлагать на него определенные политические надежды.¹²

С. Н. Азбелев предлагает гипотезу, согласно которой эта популярная историческая песня возникла по поводу сложных отношений в семье Ивана III Васильевича, деда Ивана IV, которого, кстати, современники прозвали также Грозным. При нем образовалась запутанная династическая ситуация. Наследником престола сначала был его старший сын от первого брака (с тверской княжной Марьей Борисовной (1442–1467)) Иван Молодой (1458–1490), скончавшийся при подозрительных обстоятельствах: слухи возлагали вину за его смерть на врача Софьи Палеолог, т. е. его мачехи. После Ивана Молодого остался его сын Дмитрий (1483–1509), внук Ивана III, теперь претендовавший на престол. Однако к этому времени у Ивана III был уже второй сын от Софьи Палеолог — Василий (1479–1533), т. е. будущий отец Ивана IV. Иван III приближал к себе то Дмитрия (внука) и его сторонников, то Василия (сына) и его приверженцев. Соответственно ситуация казни в песне «Гнев Ивана Грозного на сына» Азбелевым трактуется как отражение гнева Ивана III на Дмитрия, которого великий князь однажды даже заключил

⁹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 295; Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 252–303; Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 267–268; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М., 1960. С. 48–60.

¹⁰ Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Сер. истории, языка и литературы. 1958. № 14. Вып. 3. С. 75–103.

¹¹ Путилов Б. Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 5–32.

¹² Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 431–432.

в темницу. В XVI веке, полагает ученый, песня трансформировалась к имени Ивана IV Грозного.¹³

Если Азбелев считает, что протопесня о гнев отца-царя на сына-царевича сложилась в конце XV века, то В. Г. Смолицкий, напротив, высказывает мнение, что песня «Гнев Ивана Грозного на сына» возникла в начале XVII века.¹⁴ Это произведение, указывает исследователь, сформировалось в рамках продвижения на царский престол представителя рода Романовых. Оно родилось в стане (политической группировке) тех слоев общества, которые хотели видеть царем кого-то из Романовых — боярского рода, бывшего в родстве с Иваном Грозным и с последним Рюриковичем — царем Федором Иоанновичем. Именно поэтому в песне, с одной стороны, есть злодей Малюта Скуратов, накликающий гнев на царевича, вспыльчивый и несправедливый Иван Грозный, а с другой — милостивый к новгородцам царевич Федор и его благородный дядюшка Никита Романович. Анастасия Романовна, повторим, происходила из рода Захарьиных-Юрьевых, впоследствии вошедших в историю России как Романовы. Брат Анастасии Романовны Никита Романович (герой песни «Гнев Ивана Грозного на сына») (ок. 1522–1586 или 1585) был видной фигурой в правление Ивана IV Грозного. Он стал отцом Федора Никитича (патриарха Филарета) (ок. 1553–1633) и дедом Михаила Федоровича (1596–1645, правил с 27 марта 1613), первого царя из династии Романовых. Благородный песенно-фольклорный Никита Романович должен был для народа и общества стать одним из аргументов в пользу избрания на царство юного представителя рода Романовых.

Никита Романович присутствует во всех вариантах песни «Гнев Ивана Грозного на сына»; без него развертывание коллизии невозможно. Однако сюжет вполне иногда развивается без Анастасии Романовны (№ 202, 210, 220, 221, 228, 230, 231, 234, 236–238, 243, 244, 247–250, 257–259). Весть о предстоящей казни царевича Никите Романовичу может принести слуга; или же «веска» просто к нему «перепархнула». Таким образом, функционально этот персонаж в сюжете отнюдь не обязателен. Тем не менее в большинстве текстов царица, мать царевича, присутствует (№ 200, 201, 203–209, 211–219, 223–227, 229, 232, 233, 235, 239–242, 245, 246, 252, 253, 255, 256). Образ Анастасии Романовны несет отдельную — параллельно с образом Никиты Романовича — идейную нагрузку в развертывании сюжета. Включение этого женского образа в сюжет, подчеркнем еще раз, является анахронизмом, вызванным политическими задачами, которые могли ставить перед собой создатели песни: нарисовать высокие образы представителей рода Романовых.

Идеальный образ фольклорной царицы Анастасии Романовны, таким образом, первоначально сложился в начале 1560-х годов, когда общественное мнение противопоставляло «свою» умершую царицу и новую супругу Ивана Грозного, чужеземку. Второй этап формирования образа — политические противостояния начала XVII века: в это время решался вопрос о призвании на царство Михаила Федоровича Романова.

Мария Темрюковна. Мария Темрюковна (1545/1546–1569) — до крещения кабардино-черкесская княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темрюка, — стала второй женой Ивана Грозного. Брак был одной из составляющих восточной политики Ивана Грозного: противостоя Крымскому ханству,

¹³ Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу. С. 60–79.

¹⁴ Смолицкий В. Г. Никита Романович: фольклорный образ и историческое лицо // Художественный мир традиционной культуры: Сб. статей к 75-летию В. Г. Смолицкого. М., 2001. С. 23–36.

Москва искала в далеком Кавказском регионе возможных союзников. Летом 1561 года княжна Кученей вместе с большой свитой родичей приехала в Москву на смотрины; вскоре в Успенском соборе состоялось ее венчание с Иваном Грозным. По историческим документам известно о единственном ребенке от этого союза — царевиче Василии, умершем в двухмесячном возрасте в мае 1563 года. Сама Мария Темрюковна скончалась 6 сентября 1569 года в Александровой слободе.

В дошедших до нас русских исторических документах Мария Темрюковна, подчеркнем, рисуется вполне нейтрально-доброжелательно. Большинство эпизодов, в которых упоминается ее имя, связано с поездками по православным монастырям. Есть сведения о том, что, когда в декабре 1563 года митрополит Макарий (ок. 1482–1563; митрополит Московский с 1542) вознамерился оставить кафедру и уйти на жительство в Пафнутьев Боровский монастырь, царь вместе с Марией Темрюковной и царевичами приезжали к Макарию, чтобы отговорить от этого решения. Макарий скончался 31 декабря 1563 года. В прощальной грамоте он специально поминает «боголюбивую» царицу: «Такоже оставляю мир и благословение и прощение боголюбивой и христоролюбивой царице его великой княгине Марие, о святем душе порожденной во святей купѣли от нашего смирения крестную ми дщерь, а сам от нея того же прощу получить мира и благословения и прощения».¹⁵

Единственные письменные источники, бросающие тень на царицу-черкешенку, — это записки иностранцев, оказавшихся в России. В «Записках о России» Джерома Горсея есть намек на «языческий» характер свадьбы царя в 1561 году: «После того он женился на одной из черкесских (Chircase) княжен, от которой, насколько известно, у него не было потомства. Обряды и празднества, сопровождавшие эту женитьбу, были столь странными и языческими, что трудно поверить, что это происходило в действительности».¹⁶ Генрих Штаден, немец на русской службе, полагал, что введение опричнины было сделано по подсказке новой царицы.¹⁷ Впрочем, и этот документ ничего о жестоком нраве Марии Темрюковны не говорит.

Несмотря на то, что сохранившиеся исторические документы дают нам вполне положительный образ царицы-черкешенки, в позднейшем историко-культурном сознании Мария Темрюковна предстает, как правило, исключительно негативно. Н. М. Карамзин писал: «Второй брак Иоаннов не имел счастливых действий первого. Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для Государства, которое уже не могло с мыслию о Царице соединять мысль о Царской добродетели». И далее, не называя источников, историк добавляет: «Современники пишут, что сия Княжна Черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей...».¹⁸ Противопоставление душевных качеств Анастасии Романовны и Марии Темрюковны является важным положением в «Истории государства Российского» для объяснения нрава Ивана Грозного: «Кончина двух супругов его, столь несходных в душевных свойствах, имела следствия равно несчастные: Анастасия взяла с собою добродетель Иоаннову; казалось, что Мария завещала ему превзойти самого себя в лютых убийствах».¹⁹ Карамзинская характеристика Марии

¹⁵ Полн. собр. русских летописей. Т. 29. С. 328 (Продолжение Александро-Невской летописи).

¹⁶ Горсей Дж. Записки о России. С. 52.

¹⁷ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 43.

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 2004. Т. 2: Иван Грозный. С. 205.

¹⁹ Там же. С. 258.

Темрюковны была подхвачена позднейшими исследователями. Фольклорист С. К. Шамбинаго пишет: «По преданию, злая царица усиливала жестокие наклонности царя Ивана, и годы их совместного сожительства определяют наиболее мрачную эпоху царствования».²⁰ В художественном фильме Павла Лунгина «Царь» (2009) зритель слышит демонический смех Марии Темрюковны, видит ее верхом на коне, в руках у нее плетка, которой она хлещет своих подданных. С горящими глазами царица смотрит на новоизобретенные орудия пыток.

Однако, повторим еще раз, сохранившиеся источники не дают оснований для подобной характеристики Марии Темрюковны. Думается, что вряд ли можно говорить о влиянии Марии Темрюковны, ставшей женой Ивана Грозного едва ли в 16 лет и оказавшейся в чужой для нее стране, на царя, которому к моменту второго брака был уже 31 год.²¹ Взвешенная характеристика Марии Темрюковны как исторического персонажа дана в недавней статье Л. Е. Морозовой.²² По документам, как показывает исследовательница, известно, что после смерти сына Мария Темрюковна много ездила по монастырям и святым местам, желая вымолить у Бога ребенка.

Откуда же в культурном сознании сложился такой негативный образ Марии Темрюковны? Даже если существовали какие-то не дошедшие до нас письменные источники, упомянутые Карамзиным, где описывается «дикий нрав» царицы, полагаем, что свою роль сыграла фольклорная традиция — исторические песни. Совершенно очевидно, что в конструировании образа черкешенки Марии в устно-поэтическом творчестве сказалась оппозиция «свой»/«чужой», столь важная для культурного сознания всех народов. Дочь кабардинского князя Темрюка, принявшая православие только в Москве, осталась для Московии «чужой», и тем более «чужой» при сравнении с ее покойной русской предшественницей.

Второй причиной демонизации образа Марии Темрюковны могло стать ее родственное окружение. В Москве вместе с княжной Кученей оказался ее юный брат Салтанкул, крещенный с именем Михаил, — князь Михаил Темрюкович Черкасский. С учреждением опричнины (1565) Михаил Темрюкович занял в ней видное место, активно участвуя во многих кровавых деяниях. После смерти сестры-царицы (1569) князь впал в немилость Ивана Грозного. Была убита с сыном-младенцем его жена — дочь В. М. Юрьева-Захарына, родственника царицы Анастасии Романовны. В мае 1571 года во время нападения на Москву Крымского хана Девлет-Гирея, к которому присоединился владетель Кабарды Темрюк (отец Михаила Темрюковича), он сам, возглавлявший передовой опричный полк, был зарублен опричниками.²³

Таким образом, конструирование фольклорного образа Марии Темрюковны основывается, с одной стороны, на универсальной мифологеме «свой»/«чужой», а с другой — на некоторых исторических фактах, связанных с ее родственниками.

Мария Темрюковна является персонажем двух песен: «Смерть царицы» (№ 263–266 — 4 варианта) и «Кострюк» (№ 109–199 — 90 вариантов разных версий).

Реализуя сему «чужой», фольклорная традиция пользуется топосами, сложившимися задолго до создания песен о Марии Темрюковне, например,

²⁰ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. С. 35.

²¹ О неправомерности преувеличения влияния Марии Темрюковны на Ивана Грозного говорит и Скрынников. См.: Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 226.

²² Морозова Л. Е. Мария Темрюковна — вторая жена Ивана Грозного // Кавказология / Caucasology. 2017. № 1. С. 205–219. См.: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Morozova_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 27.01.2019).

²³ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 226, 268, 304, 331, 425, 432–434, 456.

топосом «запрет — нарушение запрета». Умиравшая царица Анастасия Романовна наказывает мужу не жениться на Марии Темрюковне:

Не женись-ко-се ты в проклятой Литвы,
В проклятой Литвы, орды поганья,
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той же на Марьи Небрюковны, —

(№ 264, ст. 71–74)

причем тут же «благоверная» царица объясняет причину этого запрета: «Как порушится наша вера православная» (ст. 75). Мария Темрюковна, таким образом, в силу главной ее характеристики («чужая») мыслится как угроза для православной веры в Москве.

В другом варианте «Смерть царицы» контаминируется с сюжетом «Кострюк» (№ 265). Соответственно, текст строится по известной фольклорной модели «запрет (предупреждение) — нарушение запрета»: умирающая Анастасия Романовна «приказывает» Ивану Грозному не жениться на Марье Темрюковне, потому что хотя за ней дают и много приданого, но есть у нее много «злых поганых татаровей» и «брателко родимое» Кострюк Темрюкович. Далее в тексте разворачивается один из самых популярных сюжетов «старших» исторических песен — о Кострюке: Иван Грозный женится на Марье Темрюковне; Кострюк, ее брат, на свадебном пиру в Москве требует себе московского борца-поединщика; вызывается москвич (Потанюшка Хроменький); побеждает Кострюка; снимает с противника цветное платье, и тот от стыда забивается под крыльцо; Марья Темрюковна упрекает мужа, что тот допустил бесчестие ее брата; но для Ивана Грозного главное то, что «русак тешится».

Обратим внимание на то, что песенная традиция одинаково описывает семейное положение двух цариц в песнях «Гнев Ивана Грозного на сына» (для Анастасии Романовны) и «Кострюк» (для Марии Темрюковны): муж (Иван Грозный) — жена (Анастасия Романовна, Мария Темрюковна) — брат героини (Никита Романович, Кострюк). Однако между царицами есть одна принципиальная разница: Анастасия Романовна — мать сыновей, наследников престола; Мария Темрюковна детей не имеет. Этот параметр, помимо этнической природы героинь, является важной составляющей в построении оппозиции «свой»/«чужой» и «правильный»/«неправильный».

Некоторые варианты песни о Кострюке начинаются прямым противопоставлением «своего» («каменна Москва») и «чужого» мира, откуда Иван Грозный берет жену:

Когда холост был государь
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У того Темрюка-царя.

(№ 109, ст. 5–12; ср.: № 111, ст. 6–10;
№ 112, ст. 7–10; № 113, ст. 4–7; № 114,
ст. 4–7; № 115, ст. 5–8; № 116, ст. 4–9;
№ 117, ст. 3–8; № 118, ст. 8–12)

Следует подчеркнуть, что в целом фольклорная традиция твердо помнит, к какому этносу принадлежит вторая жена Ивана Грозного — она черкешенка.

Заметим, что кабардинцы, жившие и живущие ныне рядом с адыгами (черкесами), имели с последними общую историю. Вся территория, которую занимали оба народа в XVI веке, — Причерноморье, нынешний Краснодарский и Ставропольский края — при Иване Грозном называлась Черкессией. Соответственно и Марья Темрюковна, дочь кабардинского владетеля, именуется черкешенкой. В разных вариантах «Кострюка» Иван Грозный берет в жены «из иных-то земельшек, / Молодую черкесенку» (№ 137, ст. 15–16); «из чужой земли / Молоду младу черкасьевну» (№ 138, ст. 9–10); «в иной земле / Молоду панью-черкашеницу» (№ 141, ст. 15–16; ср.: № 129, ст. 7; № 139, ст. 11; № 151, ст. 8; № 155, ст. 4; № 161, прозаический пересказ; № 163, ст. 51). Этноним в устной традиции, естественно, искажается: «и высватал черваницу, / Молодую полковницу» (№ 199, ст. 4), «молоду жену чернилочку» (№ 197, ст. 9).

Национальность Марьи Темрюковны, иногда напрямую не названная, подразумевается через этническое определение ее брата Матрюка (Кострюка): «Кострюк-то ведь Демрюк да сын Черкасенин» (№ 179, ст. 3; ср.: № 109, ст. 41; № 110, ст. 109; № 131, ст. 9; № 133, ст. 10; № 134, ст. 9; № 164, ст. 8, 13; № 165, ст. 11, 16; № 190, ст. 2; № 191, ст. 1). В одном из текстов Кострюк именуется князем Черкасским (№ 136, ст. 19). Укажем, кстати, что брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной и союзнические отношения русского царя с владетелем Кабарды Темрюком Идаровым (Айдаровым), которому Москва помогала противостоять Крымским ханам Гиреям, стали основанием для появления в Московии новой княжеской фамилии — Черкасские. Помимо Салтанкула (Михаила Темрюковича), в Москве обосновался его племянник Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. Еще один представитель кабардинского владетельного дома — Хорошай-мурза, в крещении Борис Камбулатович — женился на Марфе, сестре Федора Никитича (в будущем патриарха Филарета), отца Михаила Федоровича Романова; скончался он в 1601 году. Словом, князья Черкасские были хорошо известны в Москве второй половины XVI века и, не сомневаемся, вызывали раздражение у старой московской княжеско-боярской знати. Именно поэтому Кострюк Черкасский стал предметом осмеяния в песне.

Песенно-фольклорная традиция знает и формулу «земля Черкасская», которая в рамках оппозиции «свой»/«чужой», естественно, определяется как «неверная»: «Он (Иван Грозный. — Т. И.) уж думал жениться / Во земли во неверное, / Во земли во Черкаское» (№ 123, ст. 5–7; ср.: № 124, ст. 6–7; № 135, ст. 7–8). Согласно фольклорным законам, обобщающая сема «чужой» в песенно-эпической традиции порождает формулы, в которых соединяются разные этнические составляющие:

Он изволил жениться,
 Да он, свет, обручится
 Не у нас на святой Руси,
 Не у нас в каменной Москвы —
Во земли во Литовския,
Да во той во Черкасская,
 На премладой черкашеньки,
 А на Марье Демрюковны.

(№ 126, ст. 3–9; ср.: № 127, ст. 3–4)

В ряде вариантов черкесское происхождение Марии Темрюковны и Кострюка забывается, но фольклорная традиция в обозначении их этнической принадлежности в любом случае сохраняет значение «чужой». Новые родственники Ивана Грозного в исторической песне могут называться татарами.

Этот этноним, с одной стороны, связывает традицию «старших» исторических песен с былинами, где главный враг Руси — татары, а с другой, является отражением того, что в XIX веке многие народы, исповедовавшие мусульманство (мусульманизация кабардинцев в XVI веке еще только началась), именовались «татарами». Иван Грозный берет новую жену «у мурзы-то у татарина» (№ 143, ст. 6). Невеста оказывается «роду татарского, а земли басурманской» (№ 145, ст. 3–4).

Для «Кострюка», как и для песни «Гнев Ивана Грозного на сына», что мы показали выше, актуальными оказываются формулы, восходящие к былинной традиции. Иван Грозный новую жену берет «в Золотой орде» (№ 109, ст. 11), «в Большой орде» (№ 112, ст. 8; № 113, ст. 6), «во клятой Орде» (№ 140, ст. 8), «в орде неверной» (№ 146, ст. 5). Равным образом, родиной Марьи Темрюковны в исторической песне может оказаться Литва — еще один топоним, позаимствованный из былин: «Во дальней земле, во Литовской, / У того ли короля у литовского» (№ 110, ст. 5–6). Как и былины, историческая песня знает формулу «проклятая Литва» (№ 114, ст. 6; № 118, ст. 10; № 119, ст. 7; № 120, ст. 5; № 128, ст. 7; № 132, ст. 7; № 171, ст. 8), «поганая Литва» (№ 115, ст. 6; № 116, ст. 7; № 117, ст. 6; № 121, ст. 8; № 147, ст. 7; № 148, ст. 8), «хоробрая Литва» (№ 142, ст. 5). Явно на этой же основе родилась формула, включающая «землю Польскую»: «Во той во земле во Польския, / У короля у Церковного, у Литовского» (№ 111, ст. 8–9).

Насколько коллизии, разворачивающиеся в песне «Кострюк», отвечают исторической правде обстоятельств женитьбы Ивана Грозного на Марье Темрюковне? Следует отметить, что в своем построении песня опирается на канву традиционной русской свадьбы.²⁴ Разные варианты песни рисуют главные этапы свадебного действия: сватовство, венчание, свадебный пир, брачная ночь. В некоторых вариантах довольно подробно нарисована картина сватовства Ивана Грозного — его поездка к Темрюку, отцу Марии Темрюковны (или к Кострюку, брату невесты), т. е. на Кавказ:

Тут поехал Иван Васильевич жениться.
 Ему стрéту ладит Кастрюк с барабанной музыкою:
 «Уж ты здравствуй, царь Иван Васильевич!
 Еще ты ли ко мне приехал торгóm торговать,
 Еще ты ли ко мне приехал собирать пошлину,
 Сбирать пошлину за двенадцать лет?»
 Отвечает Грозный царь Иван Васильевич:
 «Я приехал к тебе не торгом торговать,
 Я приехал к тебе не за пошлиной,
 Я приехал к тебе жениться,
 На твоей жениться на меньшей сестре».

(№ 111, ст. 12–22; ср.: № 119)

В описании сватовства употребляется слово «поезд» (в значении «свадебный поезд»), традиционное для свадебного действия XIX века — «Он со всем песным поездом» (№ 113, ст. 10–16; ср.: № 114, ст. 8; № 115, ст. 9; № 116, ст. 10; № 117, ст. 9).

Следует сказать, что песенный эпизод личного сватовства Ивана Грозного не отвечает исторической правде: великий князь и русский царь, как извест-

²⁴ Укажем, что в отдельных текстах (№ 158, 160–163 и др.) тема свадьбы как таковая отсутствует; соответственно борьба чужеземного богатыря Кострюка и московского борца происходит в Москве в рамках пира, не связанного с царской свадьбой. Однако в большинстве текстов свадебная линия прочерчена явственно и полнокровно.

но, сам никогда на сватовство не ездил. Традиционной была форма вызова ко двору предполагаемых невест и выбор претендентки среди них. В случае с черкесской княжной Кученей Иван Грозный, в рамках своей восточной политики, ищет себе невесту на Кавказе. Он, согласно Лебедевской летописи, послал сватов Ф. В. Вокшерина и С. Мякинина на Кавказ.²⁵ Песня имени этих послов Ивана Грозного не знает. На роль свата, в разрез с исторической правдой, фольклорная традиция назначает Никиту Романовича (т. е. шурина царя по первому браку), которому дается статус «дядюшки»:

Говорил его дядюшка
 Да Микита Родомановиць:
 «Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
 Ишша мы к тебе пришли
 Да не с боём, не с дракою;
 Да мы прышли к тебе посвататъсе
 Да у тебя на родной сестры
 Да на Марьи Демрюковны» .
 Они сватались, сосваталисе.
 Да слово на слово полбóжилисе.

(№ 112, ст. 21–30; ср.: № 115, ст. 14–15;
 № 146, ст. 4)

В качестве свата в одном из вариантов (№ 118, ст. 16–17) предстает Дунай. Очевидно, что это имя в историческую песню попадает по ассоциации с былинной «Дунай-сват», где Дунай сватает Апраксу-королевичну для князя Владимира. Укажем, что в одном из вариантов сватовство Ивана Грозного облачено в форму письма с угрозой:

Он писал-то же, Грозной царь Иван Васильевич,
 Скорописцету ему же грамотку,
 Он уписывал ему да строго же:
 «И ты ой еси, король Небрюк да сын Небрюкович,
 Ты отдай засватай за меня же все,
 За Грозного царя за Ивана Васильевича,
 Ты отдай-ко за меня да свою дочь любимую,
 Ише ту ли ты Марью дочь Небрюковну;
 И не отдашь ей же за меня взамуж,
 Я же силой же ей да я войной возьму,
 А я твое царьство да я все розрушаю» .

(№ 120, ст. 9–19)

Сватовство-угроза — это, без сомнения, тоже отголосок былинной традиции, где Апракса-королевична силой была увезена Дунаем в Киев.

Важным эпизодом в реальной женитьбе Ивана Грозного на княжне Кученей было ее крещение. Из документов известно, что черкесскую княжну, прибывшую 15 июня 1561 года в Москву, 20 июля крестил митрополит Макарий — верховное лицо Русской Церкви. Христианское имя будущая царица получила во имя святой Марии Магдалины.²⁶ Историческая песня этот эпизод практически забыла. Лишь в одном варианте читаем:

Да приехали они-то всё во матушку в славну камянну Москву.
 Тут ведь скоро зазвонили в большой колокол,

²⁵ Полн. собр. русских летописей. Т. 29. С. 291.

²⁶ Там же. С. 292.

Да запели обедни Херуимския
Ише всё-то попы, попы соборныя;
Ише скоро тут ведь повели их во Божью церковь,
*Привели-то Марью ту Небрюковну во веру ту крещишную,
Во крещишну ей веру, в православную.*

(№ 118, ст. 59–64)

Через месяц после крещения, 21 августа, Макарий венчал в Успенском соборе Ивана IV и Марию Темрюковну.²⁷ Этот этап свадебного действия нашел отражение в нескольких вариантах песни:

Прикатился нашей царь-государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Он в свою ли то столицу нынь,
Как ко Божьей Матери
Пресвятой Богородицы,
Он приймаь золоты венцы,
Целовать нынь он чуден крест.
Повенчался наш царь-государь,
Свет Иван сударь Васильевич,
Он на Марье Темрюковне.

(№ 115, ст. 33–42; ср.: № 112, ст. 61–62; № 113, ст. 44–45; № 116, ст. 23–28; № 118, ст. 65–67; № 120, ст. 85–86; № 121, ст. 16; № 127, ст. 14–16; № 145 — проза)

Как уже было сказано, историческая песня рисует свадебный пир:

Ешше здраво стал государь
Да во свою ту в каменну Моск(в)у,
За столы те за дубовые,
Да за есвы сахарные,
За напиткицьки стоялые.
Да пировал-жировал государь.

(№ 112, ст. 63–68; ср.: № 113, ст. 46–50;
№ 115, ст. 48–50; № 116, ст. 30–34)

В соответствии с русским обрядом молодые, т. е. Иван Грозный и Марья Темрюковна, покидают свадебное застолье, а пир продолжается:

Он пошел в ложню теплую,
Он ложился во теплу ложню.

(№ 114, ст. 44–45)

На этом пиру, по варианту № 114, Никита Романович потчует гостей; все «едят-пьют, потешаючче», «за царя Богу молятче» (№ 114, ст. 54–55), лишь Кострюк не ест и не молится за молодых, требует себе борца. Тогда Никита Романович направляется в ложню к царю и объявляет о требовании Кострюка Темрюковича. Далее разворачивается главный эпизод песни — борьба Кострюка с москвичом, его поражение и унижение. В исторических документах инцидент подобного рода не зафиксирован. Исследователи полагают, что сюжет с борьбой является художественным вымыслом.

²⁷ Там же.

Помимо воспроизведения главных этапов свадебного действа в конструировании образа «чужой» царицы Марии Темрюковны фольклорная традиция использует доступные ей мотивы и топосы. В некоторых вариантах исторических песен Марья Темрюковна наделяется чертами отравительницы. Следует сказать, что тема отравления в бытовом сознании средневековой Московии была очень актуальной. Многие смерти в княжеской семье и в социальных верхах в слухах и толках объясняются действиями недоброжелателей (Иван Молодой, сын Ивана III; Елена Глинская, мать Ивана IV Грозного; Анастасия Романовна, да и сама Мария Темрюковна; в Смутное время молодой воевода Михаил Скопин-Шуйский и др.). Словом, появление в исторической песне темы отравления вполне закономерно. В тексте № 266 сюжета «Смерть царицы» Анастасия Романовна предупреждает мужа, что ее преемница попытается отравить двух «ясных соколов» — ее сыновей:

Принесет она рубашки красна золота,
Не моги надеть на двух ясных соколов,
Надень на двух псов ядовитых:
Увидишь тут чудо великое!

(№ 266, ст. 19–22)

Как и предсказывала Анастасия Романовна, рубашки от Марьи Темрюковны, принесенные царевичам и накинутые на псов, оказались отравленными («Тех псов разорвало» — ст. 34).

К фигуре Марии Темрюковны прикрепляется мифологический мотив оборотничества, т. е. героиня оказывается еще и чародейкой. В одном из вариантов, в котором контаминируются сюжеты «Гнев Ивана Грозного на сына» и «Кострюк», не названная по имени государыня, разгневанная тем, что русский борец одержал победу над Кострюком-Мастрюком, обращается с упреками к своему мужу. После того, как получила от него отповедь, она «Защекотала сороченькой, / Полетела с каменной Москвы» (№ 257, ст. 227–228). Не исключаем, что в данном случае мотив оборотничества (превратилась в сороку) к Марии Темрюковне прикрепляется по ассоциации с другой «чужой» московской царицей — Мариной Мнишек, которая, по слухам, спаслась во время убийства Лжедмитрия I, обернувшись сорокой.

В одном из вариантов (контаминация сюжетов «Кострюк» и «Гнев Ивана Грозного на сына») Мария Темрюковна становится наветчицей на царевича (обычно эту роль исполняет Малюта Скуратов). После того, как на свадебном пиру Кострюк потерпел поражение и унижение от московского борца, раздосадованная царица в ответ на хвастовство Ивана Грозного («Теперича я вывел изменушку изо всей земли, / А Казанское царство к себе прислонил» — № 258, ст. 66–67) заявляет, что «изменушка» находится рядом с ним — это его сын.

Помимо черт отравительницы и наветчицы, Мария Темрюковна наделяется еще чертами богатырши. В одном из текстов сюжета «Гнев Ивана Грозного на сына» в первой части песни разворачивается коллизия, отчасти напоминающая былинку о Дунае, где богатырь вступает в поединок с Настасьей-богатыршей, на которой потом женится, а затем состязается с ней в стрельбе, в результате чего героиня погибает. В рассматриваемой исторической песне Иван Грозный заявляет, что хочет вступить в чистом поле в поединок со своей не названной по имени женой, потому что она все время спорит и «здорит» с мужем («Лиха была да очень вздорная» — № 260, ст. 3). «Верная слуга» Ивана Грозного, Никита Романович, вызывается:

Не идь-ко ты с женой на чисто полё,
 Жена тебе побьет да ведь кончит-то,
 Ни за что тебе ведь да не справитсье,
 Как лучше ту останься-ко тут-то ведь.
 А дай-ко ты еще да добра коня,
 Я поеду битьсе да с ей ратитьсе.

(№ 260, ст. 20–25)

Во время поединка, описание которого напоминает соответствующие эпизоды в былинах, Никита Романович выбивает царицу из седла и отрубает ей голову.

Интересно прозаическое прибавление (предание) к песне о Кострюке, записанное Н. Е. Ончуковым от печорского сказителя П. Г. Маркова: «Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволил Потане посрамить ее родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича „поединщиком на полё, битця-боротце“. При царском дворе был боярин Бельский, так же как царь лицом и возрастом; Марья Темрюковна уехала впредь на поле, а Бельского средили в царское платье и послали драться с ней. Бельской выехал, разъехались, Бельский царицу копьём шшип, она с лошади пала, а Бельской сел ей на белы груди, да и распорол груди белые, а царица говорит: „Не быть то Ивану Васильевичу, быть собаке Бельскому“». ²⁸

В другой песне — вариант «Смерть царицы» (№ 266) с мотивами второй женитьбы Ивана Грозного — Мария Темрюковна предстает как богатырша, которую муж не может укротить на брачном ложе. ²⁹ Концовка (прозаическая) в данном варианте такова: «Стал его дядька спрашивать: „Зачем исхудал?“ — „Не могу поляницей удалой владеть: руку-ногу закинет на меня жена, — не могу духу перевести“» (ст. 37–39).

В варианте «Кострюка» (№ 128) в конце текста находим тот же мотив:

Понесла-то гнев царица на царя Грозного:
 Руку накинёт, дак пышит одва.
 Ногу накинёт, дак дышит одва.
 Выходил Грозной царь за ворота вон.
 Переложил-то платье³⁰ его дядюшка Микитушка,
 Снял он с ней роту³¹ — дубьём отодрал.

(№ 128, ст. 94–99)

Зададимся вопросом, откуда в некоторых вариантах песен в образе Марии Темрюковны появляются черты богатырши? И как сложился сюжет, где главной становится коллизия борьбы в Москве силача-чужеземца и борца-москвича?

Напомним, что в совокупности текстов сюжета «Кострюк» исследователи выделяют две основные версии: 1) «историческая» (№ 109–170) и 2) «эпическая» (№ 173–191). Эпическую версию вполне справедливо можно рассма-

²⁸ Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904. С. 369–370 (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии; т. 30).

²⁹ Ср.: СУС 519 «Слепой и безногий» (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979).

³⁰ То есть поменялся платьем.

³¹ То есть «заклятие»; ср. у В. И. Даля: «Ротить что, кого, *вгд* (от рот?) бранить, ругать, клясть, проклинать» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 105).

тривать как самостоятельную песню.³² Здесь отсутствует тема женитьбы Ивана Грозного: царица Крымская, упавая татарская (не Мария Темрюковна!) и ее брат (или полюбовник) Кострюк с угрозой идут на Русь; Кострюк требует себе поединщика, причем от исхода борьбы зависит судьба Москвы; на поединок вызывается кто-то из москвичей; заканчивается борьба победой русского борца, снимающего с побежденного цветное платье.

По своему характеру эта версия гораздо ближе к былинному эпосу, чем версия с темой женитьбы Ивана Грозного. В. Ф. Миллер, представитель исторической школы в фольклористике, считает, что исходной была «историческая» версия с женитьбой царя (здесь в большей степени сохранилось историческое зерно); «эпическая» же версия является результатом искажения и забывания первоначальной песни.³³ Формирование версии с Крымской купавой фольклористы³⁴ связывают с набегом в 1571 году Крымского хана Девлет-Гирея (1512–1577; правил в 1551–1577), который сжег Москву и еще более 30 русских городов. Иван Грозный тогда бежал из своей столицы. На следующий год Девлет-Гирей опять пришел на Русь, но в битве при деревне Молодях крымцы были разгромлены.

Исследователи, повторим еще раз, полагают, что версия «Кострюка» с Крымской купавой вторична и отражает ситуацию «крымские угрозы — победа над крымцами». Однако возможен и противоположный взгляд на взаимоотношения «исторической» и «эпической» версий рассматриваемой исторической песни. Напомним, что на протяжении всего XV века крымские татары совершали регулярные набеги на владения Великого княжества Литовского, включая и Киев, игравший важную роль в исторической памяти Московской Руси. С 1507 года начались набеги крымских царевичей и военачальников на Московскую Русь. Страдали прежде всего рязанские, мещерские, пронские, тульские, коломенские, одоевские, зарайские, болховские земли. Крымские походы совершались каждые три-четыре года, а затем и ежегодно (1517, 1521, 1527, 1532, 1533, 1534, 1536, 1537, 1541, 1544, 1547, 1548, 1550, 1552, 1555, 1558, 1559, 1560). Полагаем, что фольклорная традиция еще задолго до женитьбы Ивана Грозного на Марии Темрюковне (1561) отреагировала на ситуацию по законам эпоса: крымская угроза в исторической песне завершается русской победой. Именно так строится и коллизия взаимоотношений Золотой Орды и Киевской Руси в былинах: Калин-царь угрожает Киеву, но Илья Муромец (один!) побивает татарское войско. Эпос не знает поражений русских богатырей.

Таким образом, первой вполне могла сложиться «эпическая» версия (а точнее, протoversия) «Кострюка» — наиболее близкая к былинам. Эта версия является исходом (концом) былинной традиции, песней — переходной от былин к «старшим» историческим песням. Именно поэтому Крымская царица рисуется богатыршей — персонажем эпического характера. С возникновением реально-исторической ситуации второго брака Ивана Грозного в фольклорной традиции, где, повторим еще раз, действуют законы «свой»/«чужой», появилась необходимость создать сатирический образ новой царской родни, и традиция воспользовалась сюжетом о борьбе чужеземного нахвальщика и борца-москвича. Не исключаем, что в общественном сознании Москвы того времени Мария Темрюковна связывалась с Крымом, тем более что она действительно была в родстве с Крымскими ханами: ее двоюродная сестра Хансюер

³² См. исследование Шамбинаго, где рассматриваются самостоятельные песни — «Песня о царской женитьбе» («Кострюк») и «Песня об отбитом нашествии», т. е. «эпическая» версия (*Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. С. 1–97*).

³³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 3. С. 237.

³⁴ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. С. 74–97.

была старшей женой крымского хана Девлет-Гирея. Параллельно с формированием образа Кострюка уже не просто как чужеземного богатыря-нахвальщика, а как брата новой жены Ивана Грозного черты богатырши Крымской царицы отчасти отложились на образе реально-исторической Марии Темрюковны.

Таким образом, механизм складывания фольклорного образа Марии Темрюковны нам представляется следующим: эпическая песня об угрозах Москве со стороны Крымской царицы и ее брата (протоэпическая версия без имени Кострюка, которая до нас не дошла) → реальное событие (вторая женитьба в 1561 году Ивана Грозного на Марии Темрюковне) → создание сатирической песни с темой женитьбы царя и свадебного пира, на котором высмеивается в лице Матрюка-Кострюка новая родня царя («историческая» версия). Далее песня развивалась в двух направлениях: 1) формирование редакции с борьбой Кострюка и московского борца, но вне рамок свадебного пира; 2) трансформация протOVERсии песни об угрозах Крымской царицы в дошедшую до нас «эпическую» версию с реально-историческим именем Кострюка.

Анализ трех исторических песен XVI века («Смерть царицы», «Кострюк», «Гнев Ивана Грозного на сына») сквозь призму женских образов позволяет выявить три основных механизма в сложении песен: реализация основной фольклорной мифологемы «свой»/«чужой»; опора на поэтику былин и топысы, сформированные задолго до сложения песни; установка на политические интересы определенных групп московской социальной верхушки.